

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ТЕБЯ

Ошибка, которая изменила всё

БЕЗЛИКИЙ ПОЭТ

18+

Безликий Поэт

Каждый день после тебя

«Автор»

2026

Поэт Б.

Каждый день после тебя / Б. Поэт — «Автор», 2026

Он ушёл от неё сам — испугался, отступил, выбрал свободу. Шесть лет он убеждал себя, что всё забыл. Шесть лет он строил новую жизнь с другой женщиной. Но одна случайная встреча на улице — и вся его броня рассыпалась в пыль. Он написал ей. Она ответила — чтобы попрощаться. Теперь каждый его день — это день после неё. День, заполненный воспоминаниями о том, что он потерял. И фантазиями о том, что могло бы быть, если бы он тогда не ушёл.

© Поэт Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Безликий Поэт

Каждый день после тебя

Глава

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ТЕБЯ

Одна ошибка, которая изменила всё

БЕЗКИЛИЙ ПОЭТ

*Бывает любовь, которая не проходит. Бывают ошибки, которые нельзя исправить.
Бывает боль, которая не лечится временем.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава 1

Я не помню, с чего начался тот день.

Кажется, с того, что Анна приготовила завтрак. Она иногда делала это — вставала раньше меня, включала музыку на кухне и жарила сырники, напевая что-то себе под нос. У неё был приятный голос, мягкий и ненавязчивый, как фоновая мелодия в хорошем кафе. Я спустился на запах, всё ещё сонный, и она обернулась ко мне с лопаточкой в руке.

— Доброе утро. Кофе готов.

Я обнял её сзади, уткнулся носом в её волосы, пахнущие каким-то цветочным шампунем, и на минуту мне стало спокойно. У нас всё было хорошо. Мы встречались чуть больше полугода, и за это время ни разу не поссорились — не потому что я стал идеальным, а потому что с Анной было легко. Она не требовала объяснений, не допрашивала, не заглядывала в телефон. Она просто была рядом — красивая, светлая, смешливая, с ямочками на щеках и привычкой ходить босиком даже зимой.

Мы позавтракали. Я съел три сырника, хотя не хотел есть — просто чтобы сделать ей приятно. Она рассказывала о своей сестре, которая снова поругалась с мужем, и я качал головой в нужных местах, вставлял короткие реплики и думал о том, что мне повезло. В двадцать пять лет я наконец нашёл женщину, с которой не нужно притворяться. Или почти не нужно.

После завтрака я сел в машину и уехал на работу. В офисе было шумно: запускали новый проект, дизайнеры спорили с разработчиками, руководитель отдела пил пятую чашку кофе и грозился уволиться. Я вникал в детали, задавал вопросы, шутил с коллегами — в общем, был абсолютно нормальным человеком в абсолютно нормальный вторник.

А потом я вышел на обед.

Солнце стояло высоко, улица пахла пылью и нагретым асфальтом. Я перешёл дорогу, направляясь к кафе на углу, и вдруг замер прямо посреди тротуара. Кто-то сзади едва не врезался в меня, обошёл и пробормотал что-то недовольное, но я даже не обернулся.

Я увидел её.

Она стояла у витрины книжного магазина через дорогу. Тёмные волосы, длинные, ниже плеч — она всегда носила их распущенными, сколько я её помнил. Карие глаза, которые я узнал бы из тысячи, из миллиона, из любой толпы, даже если бы прошло не шесть лет, а шестьдесят. Она смотрела на книжную полку через стекло, слегка склонив голову набок — этот жест я помнил слишком хорошо, он пронзил меня насквозь, как будто кто-то вогнал спицу прямо под рёбра.

Эллара. Элли.

Она не видела меня. Она просто стояла и разглядывала книги, и её лицо было спокойным и задумчивым. Я не мог пошевелиться. Я стоял на другой стороне улицы, сжимая в руке телефон, и чувствовал, как сердце бьётся где-то в горле, мешая дышать. Прошло шесть лет. Шесть чёртовых лет, за которые я убедил себя, что всё прошло. Что я перерос ту историю, как перерастают детскую одежду. Что я живу дальше.

И вот она стояла в двадцати метрах от меня, живая и настоящая, и весь мой покой рухнул, как картонный домик от сквозняка.

Рядом с ней появился мужчина. Высокий, в светлой рубашке, с аккуратной стрижкой. Он протянул ей стаканчик с кофе — она обернулась к нему и улыбнулась той самой улыбкой, которую я когда-то считал своей. Он что-то сказал, она засмеялась, и они пошли дальше по улице, взявшись за руки.

Я смотрел им вслед, пока они не скрылись за углом.

Потом я зашёл в первое попавшееся кафе, сел за столик у окна и заказал кофе. Руки дрожали — не сильно, но достаточно, чтобы я заметил. Я смотрел в одну точку и чувствовал, как внутри поднимается что-то огромное и тёмное, что-то, что я давил в себе годами. Оно поднималось медленно, неумолимо, как вода в колодце после долгих дождей.

Я не видел её шесть лет. Шесть лет я не позволял себе думать о ней дольше нескольких секунд. Я заблокировал её номер, удалил все фотографии, перестал заходить в соцсети, где мог увидеть её лицо. Я выжег её из своей жизни с методичностью хирурга — и гордился этим. Я думал, что победил. Я думал, что смог.

Но вот она прошла мимо — просто прошла мимо с кофе и книжным магазином — и от меня не осталось ничего. Никакой защиты. Никакой брони. Только голая, кровоточащая правда: я ничего не забыл. Я просто научился не вспоминать.

Я вернулся в офис, досидел до конца дня, ответил на
исьма, провёл созвон. Анна написала: «Купить что-нибудь к ужину?» Я ответил: «Да, конечно». Дома мы смотрели фильм, и она клала голову мне на плечо, а я гладил её по волосам и думал о тёмных прядях, рассыпанных по подушке в другой спальне, в другой жизни, которую я разрушил сам.

Ночью, когда Анна уснула, я вышел на балкон. Город горел огнями, где-то внизу шумели машины, и тёплый ветер приносил запах лета — тот самый запах, который когда-то принадлежал нам. Я стоял и смотрел в темноту, и впервые за шесть лет позволил себе задать вопрос, от которого бежал всё это время.

А что, если бы я тогда не ушёл?

Я не знал ответа. Но я знал, что теперь этот вопрос будет звучать во мне снова и снова, и я ничего не смогу с ним сделать.

Глава 2

Домой я вернулся позже обычного.

Анна уже была в спальне — сидела на кровати с ноутбуком, смотрела какой-то сериал в наушниках и даже не услышала, как я вошёл. Я остановился в дверях и молча наблюдал за ней минуту. Она смеялась над чем-то, что происходило на экране, и её лицо было таким безмятежным, что мне стало стыдно. За сегодняшний день. За книжный магазин. За дрожащие руки в кафе. За то, что я смотрел на другую женщину и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Ты поздно, — сказала она, заметив меня, и сняла один наушник.

— Много работы, — ответил я и поцеловал её в лоб.

Она кивнула и вернулась к сериалу. Я пошёл в душ, долго стоял под горячей водой, упираясь ладонями в стену, и пытался смыть с себя этот день. Не получилось.

Позже, когда Анна уснула, я вышел на балкон. Ночной воздух пах летом — тем самым запахом, который я когда-то считал своим. Смесь нагретого асфальта, тополиных почек и чего-то сладкого, цветочного, едва уловимого. Я закурил, хотя почти бросил, и уставился на огни соседних домов.

И в тишине, под аккомпанемент далёкого шума машин, я впервые за шесть лет позволил себе вернуться туда. В то лето. В тот день. В тот самый первый разговор.

Июнь. Мне девятнадцать. Я стою на чужой даче, куда меня затащил друг, и мечтаю только об одном — сбежать. Я не люблю такие вечеринки: много незнакомых людей, дешёвое вино, разговоры ни о чём. Я стою в углу с пластиковым стаканчиком и считаю минуты. И тут кто-то задевает меня локтем. «Ой, прости. Я тебя не заметила. Ты так хорошо сливаешься с забором». Я оборачиваюсь — и вижу её. Тёмные волосы, карие глаза, насмешливая улыбка. Эллара. Элли. Она смотрит на меня так, будто мы уже сто лет знакомы, и я забываю, что хотел сбежать.

Я затушил сигарету и закурил вторую. В груди было тесно. Я не вспоминал этот вечер годами — специально не вспоминал, вырезал из памяти, как вырезают сцену из фильма, которая делает слишком больно. Но теперь она вернулась. Не просто как воспоминание, а как что-то живое, дышащее, требующее внимания.

Я вспомнил, как она смеялась. Как назвала меня «тот, кто маскируется под забор». Как мы сидели на ступеньках веранды, пока остальные танцевали, и говорили о какой-то ерунде. Как она сказала: «Должна быть книга, которая изменила твою жизнь. Хотя бы одна». Как я ответил, что у меня нет такой, а она пообещала, что я её найду.

Я не нашёл. Зато нашёл её. И потерял.

Докурив вторую сигарету, я потушил окурочок о перила. Руки дрожали — не от холода, ночь была тёплой. Просто внутри что-то расходилось, расползалось, как трещина по стеклу. Я шесть лет держал себя в руках. Шесть лет не позволял себе даже думать о ней. А теперь она стояла у меня перед глазами — живая, настоящая, с другим мужчиной.

Я вернулся в квартиру. Анна спала, свернувшись калачиком под одеялом, и её дыхание было ровным и спокойным. Я лёг рядом, закрыл глаза и попытался уснуть.

Но перед глазами всё ещё стояла она. Карие глаза. Тёмные волосы. Улыбка, которую я когда-то считал своей.

Я не спал до рассвета.

Глава 3

Утро началось с того, что я не мог найти ключи от машины.

Я перерыл всю прихожую, заглянул под коврик, проверил карманы вчерашней куртки — ничего. Анна уже уехала на работу, и в квартире было тихо. Я стоял посреди коридора и чувствовал, как внутри закипает раздражение. Не из-за ключей. Из-за вчерашнего дня. Из-за книжного магазина. Из-за того, что я не спал до рассвета.

Ключи нашлись на кухне, под салфеткой. Я сам их туда положил вчера вечером, просто забыл. Забыл, потому что думал о другом. Думал о ней.

В машине я включил радио, чтобы заглушить тишину. Играла какая-то старая песня — из тех, что крутили по радио лет шесть назад, когда мы с Элли ещё были вместе. Я не помнил

названия, но мелодию узнал сразу. И на секунду перестал дышать. Перед глазами встала картинка: ей девятнадцать, она сидит на подоконнике в моей съёмной квартире, болтает босыми ногами и подпевает радио. У неё ужасный голос — она сама это знала и поэтому пела нарочно громко и фальшиво, чтобы меня рассмешить. «Я стану великой певицей, — говорила она между куплетами, — просто мир ещё не готов». Я смеялся, и она смеялась в ответ, и мы оба знали, что никакой певицей она быть не хочет. Она просто любила, когда я смеюсь.

Сигнал сзади вернул меня в реальность. Я слишком долго стоял на светофоре. Водитель за мной нетерпеливо махнул рукой. Я поехал дальше.

В офисе было тихо — пятница, половина отдела работала из дома. Я сел за ноутбук, открыл почту и уставился в экран. Буквы расплывались. Я прочитал одно и то же письмо три раза и всё равно не понял, о чём оно. Мысли возвращались к ней. Я вспомнил, как однажды мы сидели на полу в её комнате, вокруг были разложены какие-то чертежи и цветные карандаши. Она готовилась к экзамену по проектированию и нервничала. «Если я завалю этот предмет, — сказала она, закусывая губу, — я брошу всё и уеду в горы пасти овец». Я спросил, можно ли мне с ней. Она сделала серьёзное лицо: «Ты? Ты же боишься овец». Я не боялся овец, но подыгрывал. «Ладно, тогда оставайся здесь и шли мне письма». Она сказала это так буднично, как будто мы уже договорились о совместной жизни, и от этой будничности у меня внутри всё перевернулось. Мне было девятнадцать, и я впервые подумал о том, что хочу с кем-то состариться.

В обед я не пошёл в кафе. Сидел на лавочке у офиса, жевал бутерброд и смотрел, как облака ползут по небу. Рядом кто-то разговаривал по телефону, смеялся, рассказывал о планах на выходные. Я не вслушивался. Я снова был там — в дождливом вечере, когда мы возвращались из кинотеатра и попали под ливень. Она схватила меня за руку и потащила в ближайший подъезд. Мы стояли в чужом подъезде, мокрые насквозь, и она смеялась. «Мы выглядим как два утопленника», — сказала она, отжимая волосы. Капли воды стекали по её лицу, и я подумал, что она красивее всех, кого я видел. Я не сказал этого вслух — тогда я вообще редко говорил такие вещи. Но она, кажется, поняла. Она всегда понимала.

Я досидел до конца рабочего дня. Ответил на письма. Провёл короткий созвон. попрощался с коллегами. Всё как обычно. Всё по плану.

По дороге домой я свернул не туда. Не специально — просто задумался и пропустил поворот. Оказался в незнакомом дворе, среди старых пятиэтажек и разросшихся тополей. Пришлось разворачиваться. И когда я уже выезжал обратно на дорогу, я снова увидел её.

Она шла по тротуару одна. Без того мужчины. В лёгком летнем платье, с сумкой через плечо. Она была совсем близко — метров десять, не больше. Я мог бы опустить стекло. Мог бы окликнуть её. Мог бы выйти из машины и подойти.

Я не сделал ничего. Просто смотрел, как она проходит мимо, и сердце колотилось так, что его, казалось, было слышно снаружи. Она не заметила меня. Даже не посмотрела в мою сторону. Просто прошла мимо — и скрылась за углом.

Я вспомнил, как она стояла у калитки дачи, где мы встретились впервые, и говорила: «Ты забыл спросить мой номер». Её пальцы дрожали, когда она протягивала мне телефон. Я не знал тогда, что этот момент станет одним из тех, которые я буду прокручивать в голове годами. Я не знал, что пройдёт шесть лет, а я всё ещё буду чувствовать тепло её пальцев на своих.

Я приехал домой. Анна что-то готовила на кухне — пахло специями и тушёными овощами. Она что-то рассказывала, и я кивал, и даже вставлял какие-то слова в нужных местах. Мы поужинали. Посмотрели фильм. Она положила голову мне на плечо, и я гладил её по волосам.

Всё как обычно. Всё по плану.

Но внутри меня уже шла другая жизнь. Параллельная. Та, в которой я не ушёл. Та, в которой она всё ещё моя. Та, в которой я не сижу на балконе ночью, не курю тайком и не перебираю в голове обрывки прошлого, как старые фотографии из коробки, которую я так и не решился выбросить.

Я лёг спать. Закрыв глаза. И увидел её снова. На этот раз — во сне.

Глава 4

В субботу Анна уехала к сестре.

Она предлагала поехать вместе — сестра жила за городом, там был участок с яблонями и старым гамаком, в котором я однажды чуть не перевернулся. Обычно я соглашался: мне нравилось там, нравилось сидеть на веранде с чашкой чая и слушать, как ветер шумит в кронах. Но в этот раз я сказал, что устал. Что хочу побыть один. Анна посмотрела на меня внимательно — на секунду дольше, чем обычно, — но ничего не спросила. Поцеловала в щёку и ушла собирать сумку.

Когда её машина выехала со двора, я остался один в пустой квартире.

Тишина была плотной, почти осязаемой. Я слонялся по комнатам, не зная, куда себя деть. Попытался читать — не смог. Попытался разобрать почту — бросил. Включил телевизор и тут же выключил. Что-то зудело внутри, какое-то беспокойство, которому я не мог найти названия. Хотя на самом деле название было. Я просто не хотел его произносить.

Я сел за ноутбук. Открыл браузер. Завис над поисковой строкой.

Её имя. Я не вбивал его уже шесть лет. Шесть лет назад я специально удалил её из друзей, из закладок, из поисковых запросов — везде, откуда она могла на меня посмотреть. Я сделал это в один вечер, решительно и жестоко, как отрезают больной палец. И все эти годы я держался. Ни разу не проверил, как она живёт. Ни разу не набрал её имя в строке.

Сегодня я набрал.

Поиск выдал несколько ссылок. Я пролистал первые три — незнакомые люди с похожими именами. А потом увидел её. Это была страница в соцсети — не основная, какая-то старая, заброшенная, но её. На аватарке она стояла на фоне моря, ветер трепал её тёмные волосы, и она улыбалась — не в камеру, а куда-то в сторону, будто её кто-то окликнул. Я помнил эту улыбку. Я помнил, как она появлялась медленно, уголками губ, а потом расцветала полностью, и удержаться от ответной было невозможно.

Я кликнул на страницу. Сердце стучало где-то в ушах.

Фотографий было мало — штук десять, не больше. Она не любила соцсети, всегда говорила, что это «ярмарка тщеславия». Но те, что были, я пролистал раз десять. Она в кафе с подругами, смеётся, в руке чашка с чем-то горячим. Она на выставке, вполоборота, задумчивая. Она с собакой — большим рыжим псом, которого я не знал. И ещё одна, последняя, от которой у меня перехватило дыхание.

На этом снимке она была не одна. Тот самый мужчина — высокий, светлая рубашка, та же аккуратная стрижка — стоял рядом с ней, обнимая за плечи. Она прижималась к нему, и её лицо было спокойным. Не счастливым — спокойным. Это было хуже. Счастье можно было бы списать на удачный кадр. Спокойствие говорило о том, что всё в порядке. Что она живёт свою жизнь, в которой меня нет.

Я закрыл ноутбук. Потом снова открыл. Снова закрыл. Встал, прошёлся по комнате. Вернулся.

Мне нужно было что-то сделать. Что-то, что разорвёт этот круг. Я не мог просто сидеть и смотреть на её фотографии, как сталкер, как одержимый. Я не мог продолжать притворяться, что ничего не чувствую, когда каждая клетка тела кричала о ней.

Телефон лежал на столе. Я взял его. Открыл мессенджер.

Её номер был всё ещё у меня. Я не удалял его — просто заблокировал, спрятал в чёрный список, как заражённый файл. Я нашёл его в настройках, в списке заблокированных контактов. Одно нажатие — и она снова доступна. Одно нажатие — и шесть лет самодисциплины летят к чертям.

Я нажал.

Открылся чат. Пустой. Последнее сообщение было отправлено шесть лет назад — какое-то «спокойной ночи», даже не помню, кто из нас его написал. Я смотрел на пустую строку ввода и не знал, что сказать. «Привет»? Слишком просто. «Как дела?». Слишком глупо. «Я скучаю»? Слишком поздно.

Я просидел так полчаса. Набрал сообщение. Стёр. Набрал другое. Стёр. Положил телефон экраном вниз. Поднял. Снова открыл чат.

И написал.

«Привет, Элли. Это я. Не знаю, имею ли я право писать тебе спустя столько лет. Наверное, нет. Но я увидел тебя на прошлой неделе и не мог больше молчать. Если ты не хочешь отвечать — я пойму. Просто знай: я думаю о тебе».

Я нажал «отправить» до того, как успел передумать.

Сообщение улетело. Одно мгновение — и всё, обратного пути нет. Я отложил и уставился в стену. Прошла минута. Две. Десять. Ответа не было. Я не ждал, что она ответит сразу. Я вообще не был уверен, что она ответит. Может быть, она сменила номер. Может быть, заблокировала меня в ответ. Может быть, просто посмотрит на сообщение, усмехнётся и удалит.

Телефон молчал весь день.

Я не находил себе места. Ходил по квартире, выходил на балкон, возвращался, снова брал телефон. Тишина. Только соседи за стеной включали музыку, да где-то на улице лаяла собака.

К вечеру я почти смирился. Сказал себе: что ж, я попытался. Она не ответила — и это её право. Может быть, даже к лучшему. Может быть, мне нужно было именно это: тишина в ответ, которая расставит всё по местам. Она счастлива с другим. Она забыла меня. Она живёт своей жизнью. А я буду жить своей.

Я почти поверил в это.

А в три часа ночи телефон зажёгся.

«Привет. Я ждала это сообщение шесть лет».

Я смотрел на экран и не мог дышать. Она ответила. Она ждала. Все эти шесть лет она ждала, пока я наберусь смелости написать.

Я не спал до утра. Мы переписывались — сначала осторожно, потом всё более открыто. Она рассказала, что живёт в том же городе, работает дизайнером, как и мечтала. Что у неё кто-то есть, но она не уверена, что это навсегда. Что она помнит меня. Что не меняла номер специально — на случай, если я когда-нибудь захочу её найти.

А утром пришло последнее сообщение.

«Я рада, что ты написал. Правда рада. Я ждала этого долго — слишком долго. Но сейчас я должна попрощаться. Я меняю номер. Не пытайся найти меня снова. Ты сделал свой выбор шесть лет назад, и я приняла его. Теперь я делаю свой. Прощай».

Я перечитал это сообщение раз двадцать. Набрал ответ: «Элли, подожди. Дай мне шанс». Не отправилось. Абонент был уже недоступен.

Она исчезла. Во второй раз. И теперь — навсегда.

Глава 5

Анна вернулась в воскресенье вечером.

Она вошла в квартиру с сумкой, полной яблок, и с порога начала рассказывать, как сестра снова поругалась с мужем, как они сидели на кухне до двух ночи и обсуждали, стоит ли ей подавать на развод. Я слушал, кивал, даже задавал какие-то вопросы — но всё это происходило будто не со мной. Моё тело стояло в прихожей, обнимало Анну, принимало у неё сумку. А я сам был где-то в другом месте. Вернее — в другом времени.

Телефон лежал в кармане. Я чувствовал его вес, его тепло, его молчание. После того сообщения прошло больше суток. Она не ответила. Я уже почти убедил себя, что не ответит никогда.

— Ты меня вообще слушаешь? — Анна помахала рукой перед моим лицом.

— Да, конечно. Сестра, развод, два часа ночи. Я слушаю.

Она посмотрела на меня с лёгким прищуром, но ничего не сказала. Просто прошла на кухню и начала выкладывать яблоки в вазу. Я стоял в дверях и смотрел, как она это делает — привычно, по-хозяйски, будто мы уже десять лет женаты. Красивая женщина на моей кухне. Заботливая. Любящая. Та, которую я не заслуживал.

Телефон завибрировал в кармане.

Я вздрогнул, как от удара током. Анна обернулась.

— Кто-то по работе, — сказал я, не глядя на экран. — Я сейчас.

Я вышел в коридор и только там достал телефон.

«Привет. Я ждала это сообщение шесть лет».

Сердце ударило так, что потемнело в глазах. Я прислонился к стене и перечитал сообщение. Раз. Второй. Третий. Она ждала. Все эти шесть лет она ждала, пока я наберусь смелости. Она не забыла. Не вычеркнула. Не удалила мой номер. Она просто ждала.

— Что там? — крикнула Анна из кухни.

Я не ответил. Не смог. Горло перехватило. Я быстро набрал ответ — что-то короткое, я даже не запомнил что, просто чтобы поддержать разговор, чтобы она не пропала снова, — и убрал телефон.

— Да так, отчёт прислали не тот, — сказал я, возвращаясь на кухню. Голос звучал чужо. — Ерунда, завтра разберусь.

Анна кивнула и продолжила рассказывать про сестру. А я стоял и думал только об одном: как бы снова достать телефон. Как бы остаться одному. Как бы написать ей ещё что-то, что угодно, лишь бы она не исчезала.

Мы поужинали. Анна приготовила пасту — мою любимую, с томатным соусом и базиликом. Я ел и не чувствовал вкуса. Я смеялся над её шутками и не понимал, над чем смеюсь. Я был как актёр, который забыл слова роли, но продолжает открывать рот, надеясь, что никто не заметит.

Телефон снова завибрировал. Я дёрнулся, и вилка звякнула о тарелку.

— Да что с тобой сегодня? — Анна положила ладонь мне на руку.

— Живот прихватило, — сказал я, вставая из-за стола. — Наверное, съел что-то не то за обедом. Я сейчас.

Я заперся в ванной. Сел на край бортика и открыл сообщение. Это была она — длинное, на несколько экранов. Она писала о том, что помнит всё: наши ночные разговоры, мою дурацкую привычку прятаться в углу на вечеринках, запах сигарет, который был у меня в волосах. Она писала, что не меняла номер все эти годы — специально, на случай если я когда-нибудь захочу её найти.

Я читал и не мог дышать. В груди росло что-то огромное, распирало рёбра, давило на горло. Я начал набирать ответ, но пальцы дрожали и попадали не по тем клавишам. Я стирал, писал заново, снова стирал.

— У тебя всё нормально? — Анна постучала в дверь.

— Да! — крикнул я слишком громко. — Почти всё. Ещё пять минут.

Я ненавидел себя в этот момент. Ненавидел за то, что сижу в запертой ванной и отвечаю другой женщине, пока моя девушка ждёт за дверью. Ненавидел за то, что врал ей. Ненавидел за то, что не мог остановиться.

Но руки сами тянулись к телефону.

Мы переписывались — она была онлайн, и каждое сообщение приходило почти мгновенно. Я узнал, что она работает дизайнером, как и мечтала. Что у неё кто-то есть. Что она не уверена, любит ли его. Что иногда она просыпается ночью и вспоминает меня.

А потом она написала то, от чего у меня внутри всё оборвалось.

«Я рада, что ты написал. Правда рада. Я ждала этого долго — слишком долго. Но сейчас я должна попрощаться. Я меняю номер. Не пытайся найти меня снова. Ты сделал свой выбор шесть лет назад, и я приняла его. Теперь я делаю свой».

Я смотрел на экран и не верил. Перечитал сообщение. Ещё раз. Ещё.

Набрал: «Элли, подожди. Дай мне шанс. Я хочу увидеть тебя. Пожалуйста».

Нажал «отправить».

Не доставлено. Абонент был уже недоступен.

Я сидел в ванной и смотрел на три слова, которые изменили всё. Не доставлено. Она исчезла. Во второй раз. И теперь — навсегда.

Через полчаса я вышел. Анна сидела на диване и смотрела фильм. Я сел рядом, и она положила голову мне на плечо.

— Ты какой-то бледный, — сказала она. — Точно ничего не съел?

— Точно, — ответил я. — Уже лучше. Просто устал.

Я обнял её и уставился в экран. Там что-то происходило — люди бежали, стреляли, спасали друг друга. Я не видел ничего. Перед глазами стояла она. Элли. Её последнее «прощай». Её голос, которого я уже никогда не услышу.

Я продолжал сидеть рядом с Анной, гладить её по волосам и улыбаться в нужных местах. Но внутри уже всё рухнуло. Внутри был только пепел.

Глава 6

Первые несколько дней я ещё держался.

Ходил на работу, отвечал на письма, улыбался коллегам. Анне говорил, что всё в порядке — просто устал, просто не выспался, просто завал по проекту. Она верила. Или делала вид, что верит. Я не вникал.

А по вечерам, когда она засыпала, я выходил на балкон и курил. И думал. И снова набирал её номер — просто чтобы услышать короткие гудки или механический голос: «Абонент недоступен». Я знал этот голос наизусть. Он стал моим ежевечерним ритуалом.

На пятый день я сорвался.

После работы я не поехал домой. Просто сидел в машине и смотрел на руль. А потом завёл двигатель и поехал в другой район — туда, где видел её в первый раз, у книжного магазина. Я не планировал этого. Я вообще перестал что-то планировать.

Книжный магазин был открыт. Я зашёл внутрь — пахло бумагой и кофе, играла тихая музыка. Я прошёлся между полками, всматриваясь в лица посетителей, хотя знал, что её здесь нет. Просто здесь она стояла тогда. Просто здесь она смотрела на книги, слегка склонив голову набок. Просто здесь был последний момент, когда я видел её по-настоящему близко.

Я купил книгу. Какую-то случайную, даже не посмотрел название. Просто чтобы выйти из магазина с чем-то в руках.

Потом я поехал в тот двор, где видел её во второй раз. Старые пятиэтажки, разросшиеся тополя, лавочка у подъезда. Я припарковался и просто сидел, опустив стекло. Люди шли мимо: мамы с колясками, старушки с собаками, подростки с самокатами. Её не было. Я просидел час, полтора. Потом завёл машину и уехал.

На следующий день я повторил маршрут. И через день. И ещё через день. Это стало моим тайным расписанием: работа — Анна — ужин — ночной балкон — а на следующий день снова те же улицы, те же дворы, те же тщетные поиски.

Я не знал её адреса. Она переехала после нашего разрыва — я помнил это из нашего разговора, того самого, шестилетней давности, когда она сказала: «Я не могу оставаться в этой квартире, здесь всё пахнет тобой». Я не знал, где она живёт теперь. Я знал только район — по обрывкам её старых рассказов, по случайным ориентирам, которые она упоминала когда-то: парк с фонтаном, булочная на углу, дом с мозаикой на торце.

Я искал этот дом. Я объездил все улицы в том районе, всматриваясь в фасады, пока однажды не нашёл его. Старая девятиэтажка с выцветшей мозаикой — что-то космическое, звезда и ракета, наследие советских времён. Я припарковался напротив и заглушил двигатель.

Был вечер. В окнах загорался свет. Я смотрел на них и гадал: какое из этих окон её? Может быть, третье слева, где горит тёплый оранжевый свет? Может быть, пятое, где колыхается занавеска?

Я просидел там до темноты. Никто не вышел. Никто не вошёл. Только силуэты за стёклами — чужие жизни, чужие тайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.